

Рис. 10. Е. Иванова — участница семейского хора Большекуналейского дома культуры

В Забайкалье, где в прошлом имелись крупные очаги старообрядчества, ламаизма, религиозные пережитки держатся гораздо сильнее, что, естественно, тормозит дальнейшее продвижение по пути построения коммунистического общества. Культурно-воспитательная работа и распространение естественнонаучных знаний на селе хотя и ведутся, но недостаточно и не охватывают широких слоев населения, почему и мало содействуют изживанию религиозных взглядов. Препятствует работе и то, что лекторы не располагают необходимой антирелигиозной литературой, особенно применительно к старообрядчеству. Слабо поставлено атеистическое воспитание в школах. Отметим и тот факт, что женщины среднего и пожилого возраста, среди которых стойко держатся традиционные обычаи и религиозные пережитки, меньше мужской часть населения участвуют в общественном производстве.

Проникновение новых взглядов среди старообрядцев сыграло большую роль в разрушении старых, застойных форм быта, замкнутости семейских, державшихся особняком от окружающей среды русского православного и бурятского населения. Ярким показателем новых взаимоотношений является совместная работа семейских и бурятских колхозников и рабочих в колхозах и совхозах со смешанным семейско-бурятским населением. Подверглись разрушению старые, патриархальные взаимоотношения в семейской семье, поддерживавшиеся религией. Обычными стали браки между семейскими и сибиряками, которые раньше категорически запрещались.

Работа по изучению современной колхозного быта и культуры русских Сибири только начата. В ближайшие годы предполагается проведение более углубленного этнографического изучения намеченных колхозов, применение, помимо маршрутных поездок, стационарного метода исследования. Для успешного осуществления комплексного этнографического изучения русского колхозного крестьянства Сибири необходимо установление более тесного контакта с местными научными учреждениями и более широкое участие их в этой работе.

Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТАЙМЫРЕ В 1959 ГОДУ

Таймырский национальный округ — благодатное поле для исследований этнографов. Здесь бок о бок живут и трудятся малые народы Крайнего Севера — ненцы, энцы, нганасаны, эвенки, долганы, а также якуты.

Летом 1959 г. на Таймыре работали две группы сотрудников Института этнографии Таймырский отряд Северной экспедиции в составе Б. О. Долгих и Л. А. Файнберга и Енисейский отряд в составе В. А. Туголукова, В. И. Васильева и художника Ю. Б. Иванова. Работа первого отряда протекала преимущественно в пос. Усть-Боганида Авамского района — центре сельхозартели им. Шмидта и в пос. Воронцово Усть-Енисейского района — центре сельхозартели им. Кирова. Сотрудники Енисейского отряда, помимо названных пунктов, побывали также в поселках Хантайское озеро и Потапово Дудинского района. Кроме того, В. И. Васильев и Л. А. Файнберг совершили поездку в пос. Карго, а Б. А. Туголуков — в пос. Камень Авамского района (см. карту, рис. 1).

Полевые исследования обоих отрядов начались с посещения нганасанского колхоза им. Шмидта в Усть-Боганиде. Усадьба этой артели расположена в 40 км от центра Авамского района — Волочанки, на крутом берегу р. Хеты. В Усть-Боганиде — с десяток небольших деревянных домов, за которыми, ближе к зарослям низкорослой листвен-

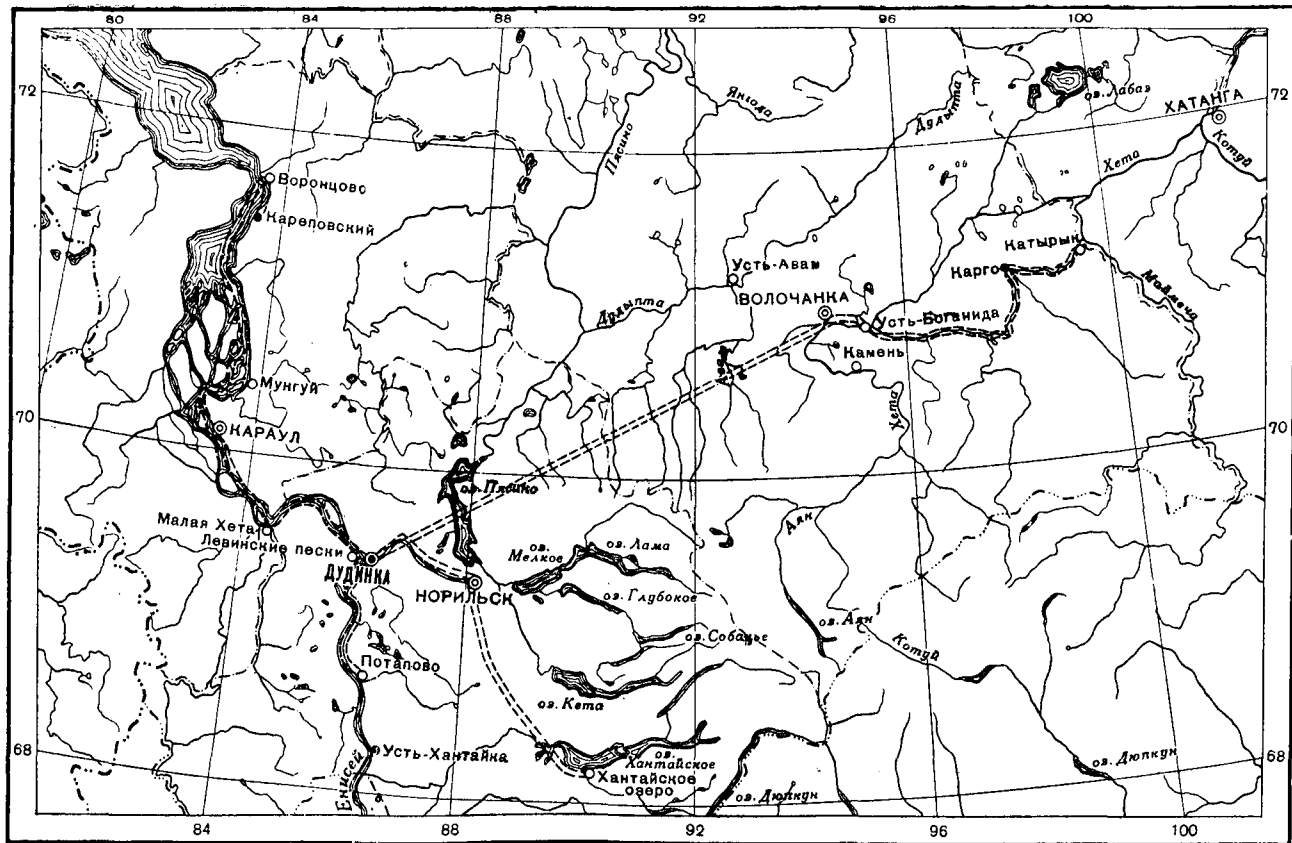

Рис. 1. Маршрут экспедиции

Рис. 2. Энец Демчуда Мирный с ребенком, живущий среди таймырских нганасанов (пос. Усть-Боганида)

венницы, белеют нганасанские чумы. Кое-где виднеются остовы балб¹ на широких и низких нартах. Кроме нганасанов, в поселке живут русские, долганы, энцы (рис. 2). К нашему приезду там находилось 20 семей нганасанов; они работали на строительстве зверофермы и клуба, ловили сетями рыбу в Хете. Остальное нганасанское население (около 40 семей) в это время было в тундре к северу от поселка, где пасутся стада колхозных оленей.

Нганасаны — одна из самых своеобразных народностей Сибири. Будучи монголоидами, они по физическому облику значительно отличаются от своих соседей — эвенков, долганов, якутов; лица многих нганасанов напоминают традиционные изображения североамериканских индейцев, но менее суровы. Все боганидские нганасаны, за исключением председателя колхоза Намбу Чунанчара, живут в чумах (рис. 3) и значительную часть года ведут кочевую жизнь; в поселке они, как правило, задерживаются ненадолго. Железных печек в нганасанских чумах мы не встречали; обогреваются они, как и старину, костром. Большинство нганасанов еще слабо владеет русским языком. В их среде сохраняются многие традиционные обычаи; до сих пор не утратила полностью своего значения родовая экзогамия; широко бытует национальная одежда; нганасаны — прекрасные знатоки старинного фольклора.

Как показали наши наблюдения, строительство в колхозе им. Шмидта подвигалось медленно (сказывался недостаток у нганасанов необходимых кавыков к плотничьим и столярным работам).

Строительство — дело, конечно, нужное. Но рационально ли использовать на этой работе нганасанов — специалистов-оленоводов и рыболовов, отрывая их от исконных занятий? Не лучше ли нанять строителей из числа пришлого населения? С этими нашими соображениями руководство Авамского района согласилось.

После кратковременного пребывания в Усть-Боганиде В. И. Васильев и Л. А. Файнберг отправились в пос. Карго, расположенный на берегу Хеты, в 200 км ниже Волочанки, а В. А. Туголуков поднялся вверх по Хете в пос. Камень — центр колхоза «Искра». Б. О. Долгих, оставшийся с художником Ю. Б. Ивановым в Усть-Боганиде, продолжал начатое им еще в 1926 г. изучение материальной и духовной культуры нганасанов в прошлом и настоящем. Очень любопытны обнаруженные им медные украшения — пластины с изображением полумесяца, аналогичные пластинам из раскопок

¹ Балб, или нартенный чум, — зимнее передвижное жилище, представляющее собой деревянный прямоугольный каркас, поставленный на полозья, кроется оленьими шкурами и поверх них обтягивается брезентом.

Рис. 3. Установка чума нганасанами (пос. Усть-Боганида)

П. Дульзона на Чулыме, датируемым XVI—XVII вв. Б. О. Долгих приобретены приспособления для изготовления этих пластин. Им собран также ценный материал по иным формам мирсозвращения аборигенного населения этой части Северной Азии. Замечены интересные мифы, характеризующие представления нганасанов о мироздании.

* *
*

Пос. Карго — производственный участок долгано-якутского колхоза им. Ленина. Центр колхоза — пос. Катырьк — находится в 65 км от Карго, ниже по р. Хета, у самой границы между Авамским и Хатангским районами. Территория колхоза включает два слившихся с ним сельскохозяйственных артелей им. Крупской (быв. центр — Карго) и «Родина» (быв. центр — Боярка); последний уже покинут, а пос. Карго намечено покинуть в конце 1959 г. Таким образом, на всем пути от Катырька до Волочанки не останется ни одного населенного пункта, за исключением Усть-Боганиды. Это обстоятельство значительно затруднит связь между центром колхоза и Волочанкой. Летние месяцы Хета настолько мелеет, что тяжелая лодка с трудом добирается до Карго. Караван с грузом сел на мель, не доходя до Боярки.

Пос. Карго разбросан по обе стороны пересекающего его поперек неглубокого озера. В Карго около десятка жилых домов и четыре чума; есть также одно голомо². В нем никто не жил. В поселке имеются начальная школа, магазин, пекарня, рыболовный пункт.

Летом в Карго живут только семьи рыбаков-долганов. Все мужчины работают в оловещих бригадах, находящихся в отдалении от поселка. В составе одной из бригад трудится знатный рыбак колхоза, долганин Н. В. Поротов, ежегодно перевыполняющий план добычи рыбы. В поисках ее он часто меняет места лова, по составу речного стока определяя, где и какая имеется рыба. К сожалению, опыт таких рыбаков, как Н. В. Поротов, еще недостаточно использовался в колхозе, так что даже в его бригаде все справлялись с планом.

Орудиями лова служат преимущественно ставные сети. В качестве материала для сетных поплавок в колхозе им. Ленина применяется пенопласт³, в последние годы ши-

² Голомо — коническое сооружение из плах, крытое лиственничной корой, на которую зимой для утепления накладывают дерн и снег.

³ Пенопласт — пенистый пластический материал с ячеистой структурой, изготовляемый на искусственной смоле.

роко используемый на Таймыре. Поплавки, выпиленные из плит пенопласта, легки, отличие от деревянных не пропитываются водой и хорошо удерживают верхнюю сеть на поверхности. Из пенопласта ныне изготавлиются и неводные полавки.

Участники экспедиции ознакомились с бытом долганского населения поселка, с работой Карговской начальной школы-интерната, где удачно решена задача политехнического обучения детей коренного населения. В минувшем учебном году в школе работал под руководством долганца К. И. Михайлова кружок, где учащиеся получали навыки к изготовлению игл и мерок для вязания сетей и учились вязать сети, делали дели черканов и пастей. Колхозники проявляют большой интерес к работе кружка, оказывают ему помощь, делясь с молодежью своим опытом.

Пос. Камень, где протекала работа В. А. Туголукова, расположен на высоком правом берегу Хеты в 120 км выше Волочанки. В поселке одна улица, застроенная деревянными домами. За ними небольшими группами и в одиночку стоят чумы. Коренное население здесь неоднородно по национальности. Большинство жителей называется «саха», т. е. долганам⁴. Однако, согласно похозяйственным книгам Волочанского сельсовета⁵, из 72 семей коренных жителей поселка долганцами считаются только 35 остальные — эвенками. При обследовании выяснилось, что такое деление неточно. Среди «саха» (долганов) большинство (28) семей оказалось якутами (по фамилии Бет Ботулу, Катгинский, Маймага, Чарду, Эспок). Подлинно долганскими в Камне можно считать только семь семей (Аксеновы, две семьи Лаптуковых, Псповы, две семьи Мчановых, Чуприны).

Однако и такое разграничение условно. Как известно, долганы — народность, которую вошли три основных этнических компонента: эвенки, якуты и русские (называемые затундренские крестьяне). Процесс их сложения в долганскую народность начавшийся еще в XVIII в., интенсивно продолжается и сейчас, в частности в Камне большинство эвенков, особенно молодых, говорит по-долгански; эвенкийский язык не бывает. Даже в тех семьях, где родители разговаривают по-эвенкийски, дети не знают родного языка. Общепринятый в поселке язык — долганский. Преподавание в политехническом классе местной начальной школы ведется также на долганском языке. Якуты говорят на долганском диалекте якутского языка; по их словам, настоящий якутский язык более «твердый», чем этот диалект. Многие якутские слова местные якуты и долганы не понимают. Так, по рассказам счетовода колхоза «Искра» Евдоима Ботулу, он, беседуя с якутом из центральной Якутии, понимал не более половины из того, что тот ему говорил. В беседе с вилюйскими якутами он может понять 75% слов, а с есеевскими — 90%.

Якуты, живущие в Камне, — выходцы с оз. Есеев, находящегося в Эвенкийском национальном округе. На Хету они пришли в конце 1920 — начале 1930-х годов. На Есеев они круглый год жили в чумах и балаганах, а на Хете живут в чумах только летом, зимой же пользуются долганскими балками. Многие из них постоянно живут в деревянных срубных домах.

Эвенки, носящие фамилии Елогир (три семьи), Хутокогир (шесть семей), Чукач (правильно Хукочар — одна семья), также пришли около 30 лет назад из северной части Илимийского района Эвенкийского округа. Многие из них еще раньше осваивали бассейн Хеты, в частности у Елогиров в верховьях Хеты имелись пастбища на ледниках и лисах.

Эвенки с русскими фамилиями (Аксеновы, Анциферовы, Верещагины, Еремичи, Перепрыгины, Прошкины, Ульманы), по их словам, «век» живут в Камне и его окрестностях. Так, 80-летний Василий Анциферов сообщил, что родился и вырос неподалеку от Камня. Сам он из рода Малга (Малгачагир). Когда-то Малгачагиров было много, но сейчас осталось лишь двое: он да Онуфрий Прошкин. Мать Анциферова принадлежала к роду Тамбегир. Из этого же рода и все Верещагины. Перепрыгины происходят из рода Елогир. Когда Анциферов был молод, в районе Камня жили только эвенки и редчайших выше родов; они, по его мнению, и являются местными. Долганы в Камне пришли в период коллективизации; все они были богатыми оленеводами. Бывших затундренских крестьян в Камне нет, но некоторые долганы и эвенки помнят, что в числе их предков были русские.

Здесь можно проследить, как подчас совершенно различные по национальной принадлежности люди причисляют себя к одному народу «саха» и говорят на одном языке. Вот, например, два «саха» — Николай Маймага и Егор Попов. У первого типичное монголоидное лицо бронзового цвета с широкими скулами, у второго узкое длинное лицо, редкие, скорее русые, чем черные, волосы, голубовато-серые глаза. Оба слабо знают русский и своим родным языком считают язык «саха». Первый — сын есеевского якута, второй — сын затундренского крестьянина и долганки.

Якуты, долганы и эвенки Камня работают в одном колхозе, дома и чумы их стоят рядом, дети учатся в одной школе. Население свободно смешивается посредством браков. Сохранились кое-какие различия в национальной одежде, но и они постепенно

⁴ Термин «саха» неправильно употребляется в Таймырском национальном округе в качестве общепринятого названия долганской народности.

⁵ Пос. Камень — местопребывание Волочанского сельсовета, а районный центр в Волочанке — местопребывание Затундренского сельсовета.

Рис. 4. Долганская семья в зимней национальной одежде (пос. Камень)

траются. Эвенкийская и якутская традиционная одежда в этом районе отличается от долганской (рис. 4) отсутствием украшений. Но каменские эвенки уже начинают украшать свои бакари, парки и шапки по-долгански бисером. По внешнему виду эвенков, якутов и долганов не отличить друг от друга. Можно думать, что через одно-два десятилетия в Камне останутся представители только одного народа — долганов («саха»).

Процесс образования долганской народности идет и в других колхозах Таймырского национального округа. По данным Приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибири было всего 1445 долганов. Перепись 1939 г. не учла на Таймыре ни одного представителя народа «саха», что очевидно, не соответствовало действительности), а в 1939 г. их было учтено по Таймырскому округу уже 3871 (в том числе 2142 в Хатангском районе, 1229 — в Авамском, 282 — в Дудинском, 71 — в гор. Дудинке и 47 человек — в Усть-Енисейском районе) ⁶. В то же время число эвенков и якутов в округе за 20 лет заметно уменьшилось. В 1939 г. эвенков было зафиксировано 558, а в 1959 г. — 413; якутов соответственно: 3894 и 63. Резкое уменьшение численности якутов и снижение числа эвенков (общее уменьшение — 3976 человек), с одной стороны, и появление почти соответствующего числа долганов, с другой, — говорит о том, что сложение долганской народности происходит на наших глазах. Конечно, переписи не могут претендовать на абсолютную точность, но этнический процесс, о котором мы говорим, выступает из цифровых данных с достаточной определенностью.

Долганы — народность, обладающая этническим самосознанием. Несмотря на то, что долганы часто называют себя, как и якуты — «саха», они отличают себя от якутов и, подчеркивая это, иногда употребляют самоназвание «тыа» (мн. ч. тылар). Некоторые долганы, живущие в Камне, знакомы с работами А. А. Попова «Нганасаны» и М. А. Сергеева — «Некапиталистический путь развития малых народов Севера». Знают они о своем земляке долганине Г. Р. Попове — кандидате экономических наук, работающем председателем Таймырского окрисполкома. Долганы стремятся иметь свою письменность, отличную от якутской, о чем они заявляли нам в Камне.

Хозяйство в колхозе «Искра» организовано лучше, чем в Усть-Боганиде. Тем не менее и здесь имеются отрасли, приносящие убытки. В 1957 и 1958 гг. убыточными были животноводство (разведение крупного рогатого скота и лошадей) и звероводство (разведение черно-серебристых лисиц). Доходные занятия — оленеводство (в основном транспортное), пушной промысел, заготовка дров и извести. Большой доход приносит охота на дикого оленя, мигрирующего через угодья колхоза; в прошлом году большое количество «диких» переправилось через Хету возле самого поселка.

В «Искре» ведется интенсивное строительство. Здесь имеется колхозная электростанция, клуб, ледник для зверофермы, скотный двор и помещение для лисиц, пять жилых домов, принадлежащих колхозу, и два дома, принадлежащих колхозникам. В домах живут 12 колхозных семей, а остальные — в чумах и балках. Во время своего пребывания в Камне там был заложен четырехквартирный дом для колхозников, сданный в эксплуатацию двухквартирный дом для детских яслей. На средства от салюбложения жители наметили построить баню.

⁶ Сведения получены нами в исполкоме Таймырского национального округа.

*
*
*

В Воронцове — центре колхоза им. Кирова — Б. О. Долгих проводил изучение териальной и духовной культуры энцев. Собраны материалы об особенностях родов устройства энцев этого района в прошлом, об их старинной одежде и украшениях. Писан ряд энецких преданий и мифов. Другие члены экспедиции изучали хозяйство колхоза и быт его населения.

Этнический состав колхоза с 1948 г., когда здесь побывал Б. О. Долгих, почти изменился⁷. В настоящее время в колхозе числится 39 ненецких, 33 энецких, 6 долганских и несколько русских дворов.

Одной из задач экспедиции было уточнение этнических признаков, по которым различаются малые народы, обитающие на Таймыре (долганы, якуты и эвенки, с одной стороны, ненцы и энцы, — с другой). Решение связанных с этим вопросов в значительной степени облегчается анализом фамилий (в прошлом — родовых названий) коренного населения. Воронцовские ненцы представлены следующими фамилиями: Яр (9 семей), Ябтонгэ (Ялтуне, 9 семей), Яндо (6), Надер (Нгадер, 5), Пяся (3), Вэнго (Вэнгонг, 2), Береговой, Сяхунэй, Тэседо, Попов (по одной семье). Большинство ненецких фамилий — это прежние родовые названия, так что современные фамилии ненцев Воронцовского сельсовета одновременно отражают и их былую родовую принадлежность. Исключение составляют ненцы, носящие фамилии Береговой и Попов. Береговые происходят из рода Ламбай, Поповы — из рода Неркыхы. Фамилия Береговой произошла от того, что предки ненцев этого рода образовывали так называемую Береговую управу; фамилия была дана им при крещении.

Энцы — второй по численности этнический компонент среди коренного населения колхоза. В прошлом усть-енисейские (тундровые) энцы составляли племенное объединение Сомату (Маду), которое, как и другое энецкое объединение Пэ-бай (лесные энцы), в настоящее время составило сложилось во второй половине XIX в. История образования этих энецких объединений изложена в работах Б. О. Долгих⁸. Энцы Соматы и Пэ-бай говорят на разных диалектах, хотя среди них имеются семьи, происходящие из одних и тех же родов: Силкины — из рода Бай, Турутины и Болины — из рода Муггади.

В начале 1930-х годов энцы, живущие ныне на территории колхоза, находились в ведении Хантайско-Красинского кочевого совета. Тогда же некоторая часть энцев Сомату вошла в состав населения, обслуживаемого Авамским кочевым советом. В настоящее время эта группа сосредоточена в колхозе им. Калинина (пос. Усть-Авам Авамского района), где энцы живут совместно с нганасанами и долганами. Значительная группа энцев (лесные энцы) живет в Дудинском районе (колхоз им. Кирова, пос. Потапово). Отдельные энецкие семьи имеются и в других колхозах Таймыра⁹.

В противоположность ненцам, живущим в Воронцове, для которых, как упоминалось выше, характерно употребление прежних родовых названий в качестве временных фамилий, все местные энцы имеют фамилии, отличные от названия рода. Так энцы рода Бай носят фамилию Силкины, энцы рода Муггади — Турутины, рода Масы вадай — Мирных (Мирных), рода Лодоседа — Туглаковы и т. д. Наиболее многочисленны среди энецких семей Силкины (12 семей) и Туглаковы (7 семей); Турутины сейчас 5 семей, Мирных — 4 семьи¹⁰, Пилько (род Садо) — 2, Каплиных (род Солда) — 1. Остались лишь одна семья из рода Тацэбэ (Соваловы). Этот род, видимо, совершенно исчезнет, так как супруги Соваловы пожилые люди и не имеют детей. К энцам принадлежат и семья Ашляпкиных (род Ючи). Однако Ашляпкины относятся к иной энцкой племенной группировке — Пэ-бай, большая часть которой живет на территории Потаповского сельсовета Дудинского района. Глава семьи А. С. Ашляпкин приехал в Воронцово во время коллективизации. По словам энца Сомату Чано Турутина, в семье Ашляпкиных до сих пор говорят на диалекте Пэ-бай, половины слов которого он понимает.

Ненцы и энцы живут преимущественно на центральной усадьбе колхоза и в рыбачьих поселках Троицкое, Кареповский и Яковлевка, расположенных в нескольких десятках километров от Воронцова, вниз и вверх по Енисею. Несколько ненецких и энецких семей постоянно живет в поселках Казачье (на полпути между Воронцовым и Кареповским) и Гольчиха (в одном километре от Воронцова).

Кроме ненцев и энцев, в колхозе им. Кирова работают долганы (3 семьи Кашкаровых, 2 семьи Яроцких, 1 семья Сотниковых). Большинство долганов постоянно живет

⁷ См.: Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 75—93.

⁸ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири (канд. диссерт.), М., 1946; его же, О родоплеменном составе и расселении энцев, «Сов. этнография», 1946, № 4.

⁹ Колхозы «Большевик» (пос. Малая Хета) и «Новая жизнь» (пос. Мунгууй) Усть-Енисейского района; им. Шмидта (пос. Усть-Боганида) Авамского района; им. Карла Маркса (пос. Левинские пески) Дудинского района.

¹⁰ Двое из энцев Мирных женаты на долганках. Один из них — Лелю Мирных ныне умер. Его дети в похоронной книге сельсовета записаны энцами, а в колхозе считаются долганами (саха).

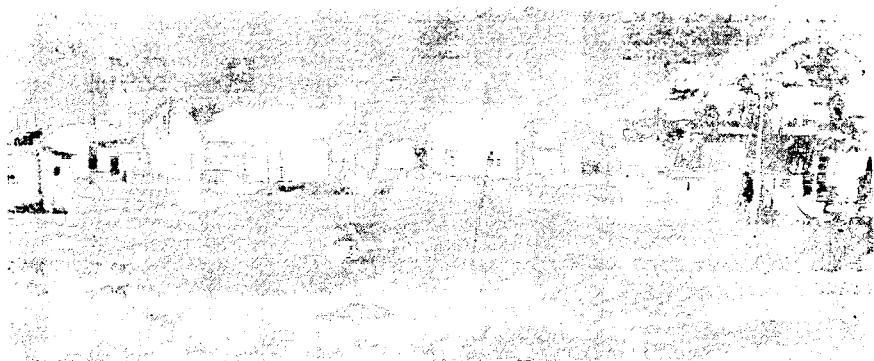

Рис. 5. Вид на пос. Воронцово

опочной Карге (самом северном по Енисею поселке). Долганами считаются также 2 семьи с ненецкой фамилией Вануйта.

Пос. Воронцово (рис. 5)¹¹ расположен на правом берегу Енисея в котловине, обрамленной невысокими сопками. В поселке находятся правление колхоза им. Кирова, сельсовет, клуб, магазин, больница, семилетняя школа-интернат (рис. 6). Коренное население живет в хорошо оборудованных деревянных домах. Возводятся еще несколько таких же домов. Строительным материалом служит сплавной лес, большие запасы которого заготовлены на берегу. Хотя деревянные дома имеются и в других поселках колхоза, но некоторые рыбаки летом предпочитают жить в чумах. В палатках и чумах живут и пастухи. По словам заместителя председателя колхоза ненца А. Д. Яра, в

Рис. 6. Школа-интернат в пос. Воронцово

¹¹ Ненцы и энцы называют Воронцово по-старому — Варенцово. Под таким названием поселок значился на дореволюционных картах.

1960 г. все колхозники, оседло проживающие в поселках, будут обеспечены жильем в деревянных домах.

Ведущие отрасли хозяйства колхоза — рыболовство, охота и оленеводство. В колхозе имеются также животноводческая ферма; на 1960 г. запланирована организация зерофермы. Наибольший доход колхозу приносит рыболовство и охота. Летом работают четыре рыболовецкие бригады — две неводные на лове сельди (в Троицком) и две сетные на лове осетра (в Кареповском и Яковлевке). В одной из бригад Троицкого создано звено коммунистического труда (звеньевой — ненец Хехере Яндро).

Для ознакомления с трудом и бытом колхозников Б. О. Долгих посетил пос. Троицкое, а В. И. Васильев и художник Ю. Б. Иванов — пос. Кареповский. Отсюда они выезжали на оленье стадо, находившееся в 10 км от поселка.

В Кареповском — один бревенчатый дом (еще два отстраивались) и шесть чумов. В бригаде имеется моторная лодка, на которой рыбаки выезжают осматривать сети и отвозят рыбу на приемный пункт. Как и повсюду на Таймыре, для изготовления сетных поплавков здесь используют пенопласт. Из него делают и буйки, которые привязываются к концам верхней тетивы сети у шестов и, поддерживая сеть на воде, одновременно служат указателями ее местонахождения.

Осенью, по окончании рыболовного сезона, многие рыбаки из Кареповского, Яковлевки и Троицкого уходят с семьями в тундру на охоту за дикими оленями и песцом. Охотники проводят всю зиму, кочуя по тундре, живя в балках, и возвращаются в поселки лишь ко времени вскрытия реки. Охота — вторая по доходности отрасль хозяйства колхоза. Здесь имеются отличные охотники, например, ненец Пудано Вэнго, энцы Чано Турутин и другие, ежегодно перевыполняющие задания по добыче пушнины. На выки старших передаются молодому поколению. Хорошим охотником зарекомендовал себя 15-летний ненец Андрей Ябтонгэ, самостоятельно охотящийся на диких оленей, которых он добывает больше, чем его отец и старший брат.

Большое место в хозяйственной жизни колхоза занимает оленеводство. На 1 января 1959 г. в колхозе насчитывалось 1610 оленей. Лучший сленевод колхоза — энцы Пуяку Силкин, бригадир племенного стада, участник ВСХВ 1955 г. В 1959 г. племенное стадо было снабжено передвижной радиостанцией. В качестве стажера при радиостанции проходил практику комсомолец ненец П. З. Береговой. Однако правление артеза еще не все сделало, чтобы оленеводство стало высокопродуктивной, ведущей отраслью колхозного хозяйства.

Новой отраслью хозяйства колхоза является животноводство. Животноводческая ферма невелика, но расширить ее колхоз не имеет возможности, так как не хватает травы на корм скоту зимой. Правление вынуждено закупать на зиму дорогие комбинированные корма; вследствие этого животноводство приносит колхозу убыток.

Благодаря умелому развитию традиционных отраслей хозяйства колхоз в 1958 добился высокой стоимости трудодня — 26 руб. 70 коп. Большинство колхозников хорошо живет и питается. Наряду с мясом дикого оленя и рыбой в пищевой рацион прочно вошли белый хлеб, сахар, чай. Изменился и домашний быт коренного населения. В чумах Антона Петровича Ябтонгэ и Пуяко Бакулевича Силкина среди утвари фарфоровая посуда и другие предметы культурного обихода. Многие колхозники вписывают центральные и местные газеты, по приезду в Воронцово посещают клуб, регулярно демонстрируются кинокартины.

Воронцовские ненцы и энцы внешне почти ничем не отличаются друг от друга. Б. О. Долгих еще в 1948 г. отмечал, что большинство энцев восприняло ненецкую одежду¹². Теперь те и другие летом нередко носят телогрейки и пиджаки с брюками, лыжные костюмы. Обувью рыбакам служат высокие резиновые сапоги. Появились и новые формы одежды, например своеобразные плащи, выкроенные из клеенки по образцу ненецкой малицы (но более короткие), иногда даже с меховыми капюшонами, надеваемые некоторыми рыбаками в ненастную погоду. Все же ненецкая малица до сих пор остается преобладающей летней одеждой большинства ненцев и энцев. Прежний чум энцеко-нганасанского типа совершенно вытеснен ненецким.

Долганы, работающие в колхозе, сохраняют национальные традиции как в одежде (это относится в основном к женщинам и старшему поколению мужчин), так и в устройстве чума.

Браки между ненцами, энцами и долганями широко распространены. Разговорный язык между ненцами и энцами служит ненецкий. С долганями ненцы и энцы объясняются по-русски, за исключением двух-трех стариков и некоторых женщин-неенок.

Сказанное об энцах еще не дает оснований утверждать, что они теряют свое этническое лицо и сливаются с ненцами. На вопрос о национальности энцы не называют себя ненцами или юраками, а указывают родовую или племенную принадлежность. В семьях и при обращении друг к другу дети энцев говорят на языке своих родителей и лишь в более старшем возрасте (преимущественно в школьные годы) осваивают ненецкий. К вопросу о сохранении энцев как своеобразной этнической группы Таймыра мы еще вернемся ниже.

¹² Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, стр. 87—89.

Рис. 7. Вид на пос. Хантайское озеро

*
*
*

Интересной оказалась поездка В. А. Туголукова на Хантайское озеро. Ввиду торванности хантайских эвенков от освоенных речных путей они до сего времени ставались неизученными.

Хантайское озеро, на юго-западном берегу которого расположена усадьба сельхозартели «Красный промышленник», представляет собой довольно внушительный водный бассейн: оно простирается на 120 км в длину; ширина его местами достигает 40 км. К западу озеро, сужаясь переходит в р. Хантайку, впадающую в Енисей. Само озеро и угодья колхоза «Красный промышленник» находятся в южной части Таймырского округа. Географически этот район — переходный от тайги к лесотундре. Климат здесь заметно мягче по сравнению с другими районами округа. Тут можно встретить хороший строевой лес; изобилуют грибы и ягоды — голубика, брусника. Повсюду озера, богатые рыбой. Местами озерный ландшафт в сочетании с гористыми берегами представляет очень живописное зрелище.

Исторически и этнически хантайские эвенки связаны с Эвенкией, откуда они небольшими группами и отдельными семьями в течение XVII—XX вв. проникали на Таймыр. Наиболее многочисленные группы здешних эвенков — Елогиры, Утукогиры (правильно — Хутокогиры) и Укачеры (правильно — Хукочары) — пришли сюда сравнительно недавно: Елогиры — не более 100 лет назад, Утукогиры и Укачеры — уже в советское время, в начале 1930-х годов. Наиболее ранними насельниками района Хантайского озера являются эвенки, носящие родовые фамилии Кильмагир, Топтыгир, Чемпогир. К настоящему времени представителей этих фамилий осталось немного.

Среди хантайских эвенков есть несколько выходцев из группы так называемых хантайских эвенков, занимавших в недавнем прошлом правобережье Енисея в бассейне р. Фокиной, а также из эвенков, живущих в районе гор. Игарка, из эвенков, сваявающих бассейн Советской речки в Туруханском районе, и даже из Катангского района Иркутской области. Всего на Хантайском озере 51 семья эвенков (включая одиночек) — 165 чел. Все они — колхозники.

В артели работают также два долганина и один кет. Оба долганина — выходцы из колхоза им. Калинина (пос. Курья, недалеко от гор. Норильска). Кет П. Н. Дибиров — выходец из пос. Фарково Туруханского района. Все они женаты на эвенкиях, таким образом их семьи — смешанные в национальном отношении. Кроме того, в колхозе состоят 11 семей пришлого, преимущественно русского населения.

В поселке (рис. 7) размещены правление, жилье и хозяйственные постройки артели, отделение связи, сберкасса, больница, начальная школа, красный чум, магазин, приемный пункт Норильского рыбзавода. В этих учреждениях работает преимущественно пришлое население.

Официально поселок называется «Хантайское озеро». Однако как в нем самом, так и за его пределами, держится прежнее название — «Таймыр». Для «Таймыра» отличие от описанных выше поселков, характерно полное отсутствие чумов и баллонов. Это объясняется тем, что почти все коренное население — пастухи-оленьеводы, рыбаки и охотники — живет вне поселка, в расположении пастбищ и промысловых угодий. Поэтому, чтобы посетить эвенков, пришлось совершить большое путешествие по озеру на колхозной моторной лодке. В течение десяти дней удалось довольно подробно ознакомиться с жизнью рыбаков.

Летом большинство эвенков занято ловлей рыбы ставными сетями. Колхозники живут небольшими группами, а иногда в одиночку, вдоль всего западного побережья Хантайского озера. Время от времени они переселяются в другие места. Единственный тип жилища здесь — традиционный эвенкийский чум, который летом кроют рдугой или брезентом, а зимой — оленьими шкурами с подстриженной (для облегчения веса) шерстью. Обогревается чум легкой железной печкой, труба которой выводится в дымовое отверстие. Вся утварь, употребляемая в обиходе (детские колыбели, столики для еды, постели и т. п.), приспособлены к подвижному образу жизни. Единственный балок, имеющийся в районе Хантайского озера, был приобретен в 1959 году эвенком П. М. Елогиром у долганца, выжущего на берегу соседнего крупного озера Кета.

Хантайские эвенки говорят на родном языке, но большинство их, кроме староэвенков, хорошо понимает и русский. По-эвенкиски говорят оба хантайских долгана и кет П. Н. Дибиков. Выступая на собраниях, эвенки также обращаются к своему языку; один из них в необходимых случаях переводит.

Хантайские эвенки называют долганов тэготкёр («другое племя»), якутов якол, кетов — осык, нганасанов и энцев — хамай, ненцев — юрак или тэгёл, русские как и все другие эвенки, — луча.

Колхоз «Красный промышленник», организованный в 1936 г., — развитое промыслово-оленоводческое хозяйство. Он имеет собственные мотолодки, электростанцию, пилораму, гусеничный трактор, радиоузел. Главная отрасль его хозяйства — оленеводство, являющееся базой развития таких отраслей, как охота и звероводство. К началу 1959 г. насчитывалось более 3300 колхозных оленей. Общий доход от оленеводства составил в 1958 г. около трети всех доходов артели.

Важными и доходными занятиями являются рыболовство и пушной промысел. Обе эти отрасли — товарные. Продуктивность рыболовства, благодаря применению моторных лодок, неводов и капроновых сетей, возросла по сравнению с довоенным временем во много раз. Колхоз ловит рыбу не только летом, но и зимой.

В колхозе имеются две зверофермы — серебристо-черных лисиц и голубых песцов. Звероводство еще не приносит ощутительного дохода, но у колхоза есть все необходимое, чтобы сделать эту отрасль рентабельной. Главное — это наличие богатой кормовой базы (рыба), освобождающей от необходимости закупать и завозить дорогую корму. Что касается животноводства (крупный рогатый скот), то положение в этой отрасли аналогично тому, которое мы отмечали в отношении воронцовского колхоза им. Кирова.

Благодаря дружной работе всех звеньев колхоз добился значительных успехов производственной деятельности. В 1956—1958 гг. колхозники получили на трудовые соответственно: 22 руб. 29 коп., 23 руб. 66 коп. и 19 руб. 37 коп. В 1959 г. стоимость трудовой по плану должна была составить 25 руб.

Несмотря на известную изолированность хантайских эвенков и сохранение ими традиционного образа жизни, в культурном отношении они несколько не уступают колхозникам Камня и значительно опережают нганасанов Усть-Боганиды, расположенной в нескольких часах езды от районного центра. На примере колхоза «Красный промышленник» можно видеть, что культура скорее всего прививается там, где имеется достаток в хозяйстве и коренное население имеет возможность нормально трудиться и отдыхать.

До Великой Октябрьской социалистической революции хантайским эвенкам не оказывалось ни медицинской, ни какой-либо иной помощи. Еще в 1930 г. среди всех 150 эвенков не было ни одного грамотного. Сейчас подавляющее большинство колхозников грамотно. Почти в каждом эвенкийском чуме можно видеть газеты и книги. В жилищах чисто, уютно. В поселке и в расположении производственных бригад регулярно демонстрируются кинофильмы. Эвенки живо интересуются всем, что происходит в СССР и во всем мире.

Своими успехами хантайские эвенки во многом обязаны четкой работе правления артели.

Конечно, и в этом колхозе имеются недостатки, но они не могут заслонить того хорошего, что удалось нам увидеть. Нет сомнения, что таким может стать каждый национальный колхоз Крайнего Севера при настойчивости и горячем стремлении к этому со стороны всех колхозников и особенно руководства.

* * *

Следующим местом этнографической работы Енисейского отряда был пос. Потапово Дудинского района. В Потапове находятся две хозяйственные организации, в которых занято коренное население, — колхоз им. Кирова и опытно-производственное хозяйство Норильского научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера.

Национальный состав населения Потапова также неоднороден. Здесь представлены почти все коренные народности Таймыра, а также русские, украинцы и др.

До Октябрьской революции потаповские энцы входили в состав Карасинской родовой управы, а ненцы принадлежали к Тазовской и Береговой родовым управам.

С конца 1920-х годов местные ненцы и энцы были объединены Лузинским береговым кочевым советом, а эвенки образовали Лантакайский тунгусский кочевой совет. Весной 1929 г. ненцы и энцы Лузинского совета объединились в Вершининский туземный промысловый коллектив, через год преобразованный в Лузинский оленеводческий промысловый коллектив им. 12 лет Октября. В начале 1930-х годов на базе этого объединения возникли два колхоза им. Куйбышева (пос. Никольск) и «Труженник» (пос. Прилуки), принявшие устав смешанных простейших производственных объединений (ППО). В Потапове находился и центр русского колхоза «Заполярьник».

В последующие годы в Дудинский район прибыло много пришлого населения, что повело к реорганизации старых и созданию новых колхозов. До последнего времени к Потаповскому сельсовету принадлежали три сельскохозяйственные артели, где коренное население трудилось совместно с русскими, украинцами и другими. Большая часть ненцев и энцев состояла в колхозе «Заполярьник» (пос. Потапово). Две ненецкие и одна энецкая семья работали в колхозе «Северный путь» (пос. Усть-Хантайка). В поселке Никольск находилась усадьба колхоза им. Кирова, в котором, кроме пришлого населения, состояли и эвенки. В 1958—1959 г. эти три колхоза объединились в один колхоз им. Кирова.

В колхозе, наряду с исконными отраслями хозяйства коренного населения (охота, рыболовство, оленеводство), появились и новые (звероводство, животноводство и огородничество). Ведущую роль играют рыболовство и охота. Оленеводство имеет подсобное, прежде всего транспортное значение. Оленеводством и охотой занимаются преимущественно колхозники из местных народностей: в рыболовецких звеньях работают также русские, украинцы и др. В звероводстве, животноводстве и огородничестве занято только пришлое население.

Звероводческая ферма колхоза, расположенная в поселке Усть-Хантайка, — одна из лучших в округе. Чистый доход от зверофермы в 1958 г. составил более 70 тыс. руб. Однако расходы по содержанию зверофермы пока еще весьма велики, так как в рацион лисиц входит большое количество мяса, рыбы, молока, овощей. В 1959 г. колхоз был вынужден содержать для зверофермы специальное оленье стадо, забывая ежедневно по три оленя. Вряд ли это целесообразно. В звероводстве следует использовать отходы оленеводческого хозяйства, а отнюдь не развивать его в ущерб росту оленьего стада. Развитие звероводства ни в какой мере не должно происходить за счет исконных отраслей хозяйства коренного населения. Именно благодаря оленеводству коренное население осваивает безграничные просторы тундры, оленеводство является базой для развития охотничьего промысла. Это в условиях Севера важнейшая отрасль хозяйства, и она, несомненно, еще в течение многих лет останется таковой.

В Потапове чумов нет, колхозники живут в деревянных домах. Но хорошими квартирами обеспечены еще не все. Пастухи-олeneводы и охотники зиму проводят в тундре, живя в балках и чумах. Пастухи, а также рыбаки ненцы, энцы и эвенки, осваивающие тундровые водоемы в стороне от Енисея или промышленяющие по этой реке вдали от Потапова, живут летом в чумах.

Расположенное по соседству с колхозом опытно-производственное хозяйство (ОПХ) раньше носило название Таймырской комплексной опытно-олeneводческой станции. Станция занималась не только оленеводством, но и проводила опыты, связанные с внедрением огородничества и разведением крупного рогатого скота. Опыты эти дали положительные результаты, и в настоящее время ОПХ ограничило свою деятельность оленеводством.

В ОПХ более 5000 оленей. Они разбиты на три стада, выпасаемые в районе между реками Большая и Малая Хета. В оленеводстве в качестве рабочих, оплачиваемых по трудовым соглашениям, заняты восемь эвенков, четверо коми-зырян, три долганина, два ненца, два нганасана и один якут. Коми-зыряне и ненцы прибыли из г. Нарьян-Мара и с Ямала, нганасаны — Авамского района, эвенки — местные. Пастухи с семьями постоянно живут при стадах в лесотундре. Им начисляется зарплата в размере 400 руб. в месяц и дополнительно 50% за работу в условиях Таймыра и 50% за работу в отгонном стаде; всего, таким образом, пастухи получают 800 руб. в месяц. Кроме того, отдельно оплачивается их труд по обучению трансфертных и передовых оленей, по выращиванию и обучению оленегонной лайки, выдаются денежные премии за получение и сохранение оленьего молодняка и за выполнение плана выхода общего поголовья оленей. Особо оплачивается каждый олень, принятый государству для забоя или забитый на мясо олень высокой и выше средней жирности. Пастухам бесплатно предоставляется спецодежда, балки и прочее снаряжение. Им полагается ежегодный отпуск в размере 24 рабочих дней.

Пастухи ОПХ обеспечены значительно лучше большинства колхозников Таймыра. Будучи заняты исключительно в оленеводстве, они не отвлекаются на другие работы. Попутно они имеют возможность охотиться и заниматься производством кустарных изделий. Все это — свидетельство того, что государственные промыслово-олeneводческие хозяйства (промхозы) и учреждения типа Норильского ОПХ являются удачной формой вовлечения малых народов Севера в социалистическое строительство.

Эвенки и нганасаны, работающие в ОПХ, живут в балках, летом — в чумах, коми и ненцы зимой и летом в чумах с полами, в них тепло, светло и уютно.

ОПХ выписало для пробы из Якутска один экземпляр передвижного разборного жилища — «тордох» конструкции Л. Файко и И. Попова¹³. Испытания дали положительный результат, и дирекция ОПХ предполагала приобрести еще несколько тордохов. Однако, наряду с достоинствами, тордох имеет и недостатки. Прежде всего для колхозов цена его — 2800 руб. — несколько дорога. Кроме того, тордох велик по размерам; для пастухов-оленьеводов и охотников нужны небольшие каркасные чумы в среднем на 3—5 человек. Имеются и другие недостатки: углы боковых граней, вследствие неудачного соединения алюминиевых трубок, из которых собран каркас, прорывают брезент; не совсем хороши соединения трубок по верхнему и нижнему поясам; желательна более простая и удобная конструкция замков. В целом же чум новой конструкции более оправдал. Следует пожелать скорейшего массового освоения его производства нашей промышленностью.

Из коренных народностей в колхозе им. Кирова состоят 13 ненецких, 9 энецких и 8 эвенкийских семей; есть также одна долганская и одна селькупская семья. Из ненецких семей, проживавших до данным приполярной переписи 1926/27 г. в районе Лузина — Потапова, здесь остались Пальчины (род Чор) и Ямкины. Согласно данным Б. О. Долгих, в 1926 г. среди потаповских Ямкиных были представители родов Аседа и Саларта. Ныне все Ямкины считают себя Аседа. Аседа называет себя и К. Д. Ямкин, который, по Б. О. Долгих, принадлежал прежде к роду Саларта¹⁴.

Не проживают ныне в Потапове и ненцы рода Ябтонгэ (Поповы). Зато появились новые ненецкие семьи по фамилии Лырмин, Каярин, Иванов. Лырмины принадлежали к роду Моло, родственному Аседа (иногда их называют также Моло-Аседа); Каярины — к подразделению рода Ядия; Ивановы — потомки русского, женатого на ненке Пальчиной.

Энцы в Потапове представлены теми же семьями, что и в 1926/27 г. Здесь проживают 5 семей Болиных (род Муггади), 3 семьи Силкиных (род Бай) и 1 семья Ашляпкиных (род Ючи).

Потаповские энцы (Пэ-бай), как и энцы Воронцова (Сомату), в семье и друг с другом говорят на родном языке, разговорным между энцами и ненцами служит наряду с ненецким языком и энецкий. Русским владеет все коренное население, хотя и не всегда хорошо. По-русски энцы и ненцы говорят с эвенками и долганами.

В отношении потаповских энцев можно сделать тот же вывод, что и в отношении их соплеменников, живущих в Воронцове: говорить об их слиянии с ненцами преждевременно. Против этого свидетельствует прочное сохранение энцами своего языка и то, что сами энцы отличают себя от ненцев. Тундровые энцы (Сомату) называют энцев Потапова Пэ-бай (лесные энцы). В свою очередь ненцы называют энцев — самоды (самоедами), а себя юраками или ненцами. В поселке имеются ненецкие семьи, перешедшие на энецкий язык (две семьи Пальчиных и две семьи Ивановых).

Однако, согласно данным переписи 1959 г., энцев в Дудинском районе нет. По всему Таймырскому округу учтено лишь 18 энцев в Усть-Енисейском районе. Между тем, только в колхозе им. Кирова Дудинского района, по нашим данным, живет более 60 энцев (мужчин, женщин и детей). По-видимому, при подготовке к переписи окружающие организации не провели соответствующей разъяснительной работы среди переписчиков. Не учитывалось, очевидно, и то, что название «энцы», введенное в свое время в этнографическую литературу Г. Н. Прокофьевым применительно к двум родственным по происхождению и языку племенным объединениям самодийского населения, — весьма условно. Лишь очень немногие энцы Сомату и Пэ-бай (главным образом из числа интеллигенции) называют себя энцами. Большинство же не знает этого названия и на вопрос о национальности указывает свою родовую или племенную принадлежность. Поэтому данные переписи нуждаются в уточнении в отношении энцев, так как все они учтены либо как ненцы (в Усть-Енисейском и Дудинском районах), либо как нганасаны (в Авамском районе).

Знакомство с энецким населением двух таймырских колхозов заставляет нас пересмотреть точку зрения Б. О. Долгих, писавшего в 1949 г., что в колхозе им. Кирова Усть-Енисейского района завершается процесс консолидации мелких тундровых самодийских племен и народностей, одной из которых были энцы, в единый ненецкий народ¹⁵. Как нам сообщил Б. О. Долгих, после вторичного посещения пос. Воронцово в 1959 г. он сам отказался от такого заключения. Энцы Таймыра — своеобразная и устойчивая в отношении языка и духовной культуры этнографическая группа, которая, видимо, будет существовать еще долго.

Эвенки, работающие в ОПХ и колхозе им. Кирова, — по большей части представители бывшей лантакайской группы этого народа. Лантакайские эвенки в прошлом жили на правом берегу Енисея, против Потапова; свое название они получили от эвенкийского названия горного хребта (Лонток), который тянется вдоль Енисея до р. Хантайки. По свидетельству одного из лантакайцев, старика И. Н. Сапожникова,

¹³ Подробнее о тордохе см.: Л. Файко, Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера, «Сов. этнография», 1960, № 2.

¹⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 413—414, 416.

¹⁵ Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, стр. 93.

эвенки этой группы пришли сюда с р. Курейки. Ясак они платили в Плахине (поселок выше Потапова по Енисею); там же находился и их «старшина». Диалект лантакайских эвенков не отличается, по их словам, от диалекта хантайских эвенков. Зато лантакайские (или теперь — потаповские) эвенки отличаются от хантайских своими русскими фамилиями (Сапожниковы, Мельковы, Серебренниковы, Куропатовы). Все они принадлежали к роду Хомпо. Однако есть основания думать, что Хомпо — не родовое, а собирательное название. Один из потаповских эвенков, И. К. Столыпин, считает, что слово «хомпо» означает «гости, люди, пришедшие с другой земли — сверху». Скорее всего, в состав Хомпо в прошлом входили представители разных родов, живших в бассейне Курейки, а может быть и еще южнее. В частности, Столыпины, относящие себя к Хомпо, происходят от смешанного брака русского по фамилии Столыпин с эвенкией, принадлежавшей к Хомпо. Этот русский — прадед нынешнего старшего поколения Столыпиных.

В отличие от своих соседей — хантайских эвенков потаповские (они же лантакайские) эвенки весьма сильно ассимилированы местным коренным и пришлым населением. Часть их жената на долганках, ненках и энках. Дети, учась в смешанных школах и воспитываясь в семьях, где родители принадлежат к разным национальностям, с малых лет знают один разговорный язык — русский. Большинство взрослых также редко обращается к родному языку и, по-видимому, отвыкает от него. Вторым обиходным языком в таких семьях нередко является долганский, наиболее распространенный на Таймыре.

Так, в семье эвенка П. Д. Незнайкина глава ее, родившийся в Камне, унаследовал от отца фамилию Аксенов; по матери он Елогир. После смерти отца воспитывался у родственников матери на Хантайском озере. Во время переписи 1926/27 г. или несколько позже из-за сбивчивых ответов, данных переписчику, получил новую фамилию, которую носит до сих пор. Женат П. Д. Незнайкин на Е. Н. Болиной — дочери местного энца и долганки из Курьи. Последняя в похозяйственной книге значится «эвенкой», хотя сама считает себя долганкой. В семье говорят и по-эвенкийски, и по-долгански, и по-русски; «слышат» (т. е. понимают) и ненецкую речь. Аналогичные переплетения встречаются и в других семьях местного коренного населения.

Нередки случаи усыновления и удочерения детей умерших родственников или сирот. Так, эвенк Н. Н. Куропатов и его жена воспитали оставшихся без родителей мальчика и девочку не эвенков. Дети носят фамилию своих приемных родителей и знают эвенкийский язык. Интересно, что приемная дочь Куропатова, ныне окончившая десять классов и работающая в Дудинке, считает себя по национальности эвенкией.

* *
*

Мы назвали три небольшие группы эвенков, живущих в пределах Таймырского национального округа. Помимо этих групп, несколько эвенкийских семей имеется на Таймыре и в некоторых других колхозах. Есть они, в частности, в колхозах им. Ленина (Катырык), им. Сталина (Волочанка), им. Калинина (Усть-Авам) Авамского района и в колхозе им. К. Маркса (Левинские пески) Дудинского района. Известны также две группы эвенков, живущие за пределами округа, поблизости от него. Это эвенки из района Игарки и бассейна Советской речки (на севере Туруханского района Красноярского края). Игарские эвенки живут в колхозе им. Кирова (пос. Старая Игарка на правом берегу Енисея, против гор. Игарка). Это весьма небольшая группа, состоящая всего из пяти семей: две семьи Хирогир из одноименного рода, две — Орловы (Панкагир) и одна — Курматовы (Лютюк). И Панкагиры и Лютюк в прошлом выходцы из Тутончан (Эвенкия).

По полученным нами сведениям, на Советской речке живет примерно столько же эвенков, как и на Хантайском озере. Список эвенков этой группы включает фамилии Орловых, Панкагиров, Чапогиров, Давиндуков, Аркадьевых, Куропатовых, Кильмагиров и др. По некоторым данным, имеются эвенки и в упомянутом выше Плахине. Там их три-четыре семьи, принадлежащие в основном к роду Купогир; их фамилии — Лапушкины, Ивановы, Кильмагирские.

Сопоставляя полученные сведения, можно предположить, что самые северные и северо-западные группы эвенков, населяющих Таймырский национальный округ и прилегающие к нему районы по Енисею, исторически и этнически связаны с Эвенкией; подавляющее большинство их — ранние или поздние выходцы из Илимпынского и более южных районов Эвенкийского национального округа. Для окончательного суждения по этому, как и по другим вопросам, необходимо дальнейшее изучение коренного населения Таймырского национального округа.

В. И. Васильев, В. А. Туголуков